

«В ИСКУССТВЕ НАДО ЧТО-ТО ЗАЩИЩАТЬ...»

Субботние встречи

В ОЗЛЕ гостиницы стоял кургузенький, красный с белым, автобус. Прямо перед окнами, так что было хорошо видно, как выходят к нему и рассказываются артисты. В распорядке жизни Афанадия Ивановича Кочеткова не так уж много времени, каких-нибудь полчаса. И, честно скажу, я немножко боялась, что это настроение, когда уже в общем-то почти пора бежать, не будет способствовать хоть сколько-нибудь основательному разговору. Опасения оказались напрасными. В том, что говорил артист, не было этого — «что бы ни сказать, лишь бы сказать». Когда он говорит, он полностью занят тем, что говорит, он серьезен, искренен.

Афанасий Иванович Кочетков — наш земляк, туймазец и, естественно, что читателям будет интересно узнать и об этом периоде жизни артиста. Такой вопрос я ему и задаю.

— Где-то в 42-м году у нас в туймазинской школе № 3 существовал драмкружок. Война, голод, не топится школа, два месяца работали в колхозе, — казалось бы, какой кружок, какой театр? Но я до

сих пор помню нашу сцену и Дедедону, которую играла Рита Слесарева (она, наверное, живет сейчас в Уфе), и то чувство, с которым я, в рваной фуфайке, в каких-то опорках вместо валенок, ее «душил»...

Наверное, именно в тот период и появилось смутное влечение к театру, хотя тогда я, конечно, совсем не думал об артистическом будущем. В 1947 году здесь, в Уфе, в кирпичном здании оперного театра, проходил республиканский смотр художественной самодеятельности, и я занял там 1-е место по художественному чтению. И все-таки кривая лет привела к театру значительно позже, уже после того, как окончил геологический факультет университета.

Туймазам, моей юности, я обязан многим и убежден, что по-настоящему характер закладывался именно в эти годы. И ведь с возрастом, со временем это не уходит, напротив, приближается. Чем дальше — тем ближе по чувству, по ощущению родственная связь с этой землей. Актеру без багажа эмоциональных воспоминаний нельзя. Мне такой багаж дали Туй-

мазы, часто в работе я опирался на впечатления и чувства, испытанные там.

Афанасий Иванович закончил Щепкинское училище, работал в театре киноактера, сейчас — в театре имени Пушкина.

— Среди ролей, за которые не стыдно, — Бут, Порогов, Макар Нагульников. Естественно, в театре меняется репертуар, и я не смогу показать уфимцам, скажем, Макара Нагульнова, хотя он мне очень и очень дорог. О ролях других не говорю, о них будет судить уфимский зритель.

— В театре, в актерском искусстве сейчас немало различных течений и направлений. Что вам наиболее близко?

— Направлений действительно немало. Есть актеры сдержанные, собранные, внешне и внутренне. Я отношу себя к другим, к тем, кто ищет возможность выплеска более страстного ощущения созреваемости, — так, наверное. Разговора со зрителем открытого, эмоционально напряженного.

— Вы снялись более чем в

30 фильмах! Что дает вам кино?

— Кино я очень люблю, хотя бы потому, что связанные со съемками поездки дают огромное количество впечатлений. Но мысли о том, чтобы оставить театр, у меня не было, потому что театр — это мастерская, здесь все можно попробовать. Одна из самых памятных, на мой, конечно, взгляд, работ в кино — роль Горького в фильме «Невероятный Иегудилл Хламида». Только работая над этим фильмом, я начал по-настоящему понимать Горького — этого великого, огромного человека.

Горький был для рабочего люда своим, и я понял тогда, какую ответственность он всю жизнь на себе нес.

— Кстати, несколько слов о роли личности самого артиста в создании образа! Есть такое мнение, что художник, будучи сам посредственным, незначительным человеком, может, силой своего художнического чутья, силой исключительно интуиции создать могучие, богатые образы.

— Я думаю, что актеру важно и самому быть личностью. Когда я смотрю, предположим, на экран, то я вижу (и этого ведь не скроешь), что за одним актером стоит судьба, мысли, целая жизнь, а за другим — лишь великолепная игра.

Быть только неким артистическим органом, который мо-

жет играть любую идею... Не знаю, но мне кажется, что актер не только постоянно переживает за других, но и сам реагирует, включается, не проходит мимо конфликтов и страстей реальности, защищает что-то свое в жизни.

Когда я смотрю Михаила Ульянова, я ведь ясно вижу и понимаю, что он защищает. И дело не в том, что мы знакомы, я вижу это как зритель.

Когда я играю Бута, которому говорят о том, что никто его не любил, а он отвечает: «Да, не любили, но ведь работали, и как работали. И они меня понимали, и я понимал их», — когда я произношу эти слова, они меня за живое хватают, потому что я вижу этого Бута со всеми его недостатками, за которые он еще будет и будет расплачиваться, не абстрактно, я словно подгоняю под него конкретных людей, и эти конкретные люди не могут не волновать меня, не вызывать моего личного отклика. А Макар Нагульников! Разве можно быть к нему равнодушным? Ведь он же, при всех своих ошибках и заблуждениях, искренен, он не за карьеру борется, а за свою идею, прекрасную, человеческую.

— Что необходимо вам для того, чтобы работа была для вас интересной?

— Прежде всего — хорошая драматургия.

Величайшее счастье, когда актер находит своего режиссера, то есть когда он полностью спокоен за то, что делает режиссер, и чувствуют необходимость для него именно твоих данных. В современном театре, это один из самых главных моментов для работы актера.

Автобус возле гостиницы запыхтел, зафыркал. Афанадий Иванович наскоро подхватывает пачку сигарет — пора ехать. Сегодня в театре им. Пушкина трудный день — первый день гастролей в Уфе.

Л. КОРШИК.

Вечерняя Уфа, 1972, 3 июня